

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
УЗО

Серия «Удивительные истории»
Серийное оформление: *Ева Эллер*
Дизайн обложки: *Ева Эллер*
Иллюстрации: *Ева Эллер @eva_eller_art*

УЗО **Удивительные истории** о врачах / Сборник.— Москва: Издательство АСТ, 2020.— 285, [1] с. (Удивительные истории).

ISBN 978-5-17-127290-6

Они герои, но их боятся как злодеев. С ними спорят, но им доверяют жизнь. Это люди, которые решили посвятить себя спасению других.

У них не без юмора – потому что без него порой просто не справиться.

О том, как в больнице можно выдать женщине чужого мужа. О том, почему доктор Ху в американском госпитале страдает больше пациентов. О том, как важно провести операцию, не отрезав дельфину голову. И о том, как достать из тела больной именно ту лягушку. Удивительные истории. О врачах.

© Авторы, 2020
© Е. Полянина, составление, 2020
© Ева Эллер, обложка, ил., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	5
<i>Павел Рудич</i>	
Донор по совместительству	7
Ипотека и смерть	12
Стена плача	17
Я, бабушка, наркоман и другие	24
Случай в суде	31
Чукча и ее муж	39
Побратимы	45
Судьба не лечится	51
Усилитель молитв	56
Жить, болеть, выздороветь и умереть	64
Фак мимо кадра	69
Когда здоровье не по карману	76
Обручальные шунты	81
Кровь свидетеля	92
<i>Жанна Вишневская</i>	
О сексуальных домогательствах и успешном при- менении русского мата в американской ме- дицинской резидентуре	99
Карантинные хроники. Прелести работы из до- ма, или Врач на удаленке	103
Карантинные хроники, или Ещё один день вра- ча на удаленке	105
Последняя тренировка	110
<i>Андрей Диченко. Прочь из этого мира</i>	119
<i>Улья Нова. Темнота</i>	129
<i>Елена Миглазова</i>	
Дожить до смерти	140
Рад бы в рай, да реаниматоры не пускают ..	143
Cogito ergo sum	144
Олеся	150
В отделении	154
Майор и дачница	156
Оля	159
Галя	163

Филемон и Бавкида	166
Анна Иванна	170
Рита	172
<i>Денис Цепов</i>	
Обнаженный махом	177
Особенности родов у английских дам высшего света	182
Мысли вслух перед краш-кесаревым в четыре часа утра	187
Моряк моряка видит издалека	190
Особенности рвоты беременных у английских аристократок	192
Держите ноги крестиком!	197
Порнодельфинчик, или Операция века	201
Я люблю кровотечения	206
Как принять роды у капитана «боинга»	214
Профессора бранятся — только тешатся	221
Встречают по одежке	225
<i>Максим Малявин</i>	
Дерьмовый вызов	229
Пулька	231
Доктор, голос!	235
Окружают!	238
Барсик-душекрад	242
<i>Роберт Мамиконян</i>	
ДР в центре реабилитации	246
Алоэ	249
Интервью с Виталием Викторовичем	252
Интервью с Жанной Вишневской	273

СЛОВО РЕДАКТОРА

Книги — это медленно.

Мы не могли в первый же день карантина выпустить многостраничный том о борьбе с вирусом. Не могли организовать масштабные благотворительные акции и выступить на телевидении.

Но мы подобрали истории о врачах. Это особенный сборник «Удивительных историй». В других книгах серии представлены рассказы самых разных жанров — фантастика, ужасы, триллер, магический реализм.

Здесь — все истории реалистичны. И тем не менее все они — удивительны, и все жанровые особенности — соблюдены. Многочасовое сражение за жизнь пациента — триллер. Выздоровление, казалось бы, безнадежного больного — фантастика. Есть и, без сомнения, ужасы — когда внезапно умирает идущий на поправку пациент.

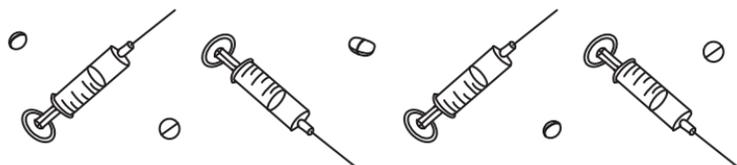
В конце сборника вы найдете интервью с врачами, которые борются с COVID-19 прямо сейчас.

Один врач — из России, вторая — из Америки. Интервью — как возможность услышать, что происходит в больницах прямо сейчас.

А рассказы — о труде медиков в целом. Не только во время вируса. Потому что их работа — интересна и важна всегда.

Удивительные истории о врачах — это наша дань уважения врачам. Небольшой, но, надеемся, полезный вклад в общее дело.

Эти тексты для того, чтобы читать их неторопливо. Потому что книги — это медленно. И это, наверное, к счастью.

Павел Рудич
ДОНОР
ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

Раньше основной врачевный документ — историю болезни — называли «скорбный лист». Читать да и писать на этих желтоватых, как бы пропитанных мочой листах — в самом деле — скорбный труд. Труд, который часто пропадает зря, начинаясь с жалоб и кончаясь сомнительным выздоровлением или несомненной смертью.

Есть определенная схема врачевных записей в этой истории. Все начинается с жалоб. Раньше врачей за то и любили, что им можно и нужно было жаловаться. Вы вспоминали, что, в самом деле, сушит во рту, что сильнее болит утром, что на работе нелады и соседи сволочи. Все это записывалось, да вот беда — часто таким почерком, что прочитать невозможно.

Записи одного хирурга могла расшифровать только медсестра, прошедшая с ним войну. Читала она, положив историю вверх ногами и справа налево:

всю войну она дублировала записи хирурга в карточках раненых, сидя напротив него. Так и привыкла к его каракулям в перевернутом виде.

Теперь не спрашивают и не слушают. Раздав распечатки «опросников», попросят подчеркнуть где «да», где «нет». А потом — скажет врач — я все обработаю, и мы поговорим.

Но не поговорит и не переспросит. Как ЛЕГО сложит ваши боли и страхи с бланками анализов, рентгена, компьютерной томографией и скажет: «Ну что, больной, будем оперироваться? Завтра».

Ну вот и операция. Хирургия. Любая победа хирургии — крах терапии. Операция — это такой метод лечения, который может убить. Удачная операция — это просто неудавшаяся попытка убийства больного группой лиц по предварительному сговору с применением холодного оружия и сильнодействующих психотропных ядов. Труд хирурга — неблагодарен. Как ни объясняй больному и его родственникам сложность операции — не поймут. Можно удалить убивающую больного опухоль — напишут жалобу на холодный больничный суп. Удалишь бородавку: в газету благодарность тиснут, коньяк в руки сунут! Уж очень мешала бородавка в носу ковырять. А про опухоль больной обычно и не знает. Или не хочет знать.

Удаляли мы большую опухоль головного мозга. Началось все очень прилично. И вдруг, после легкого движения инструмента,— хлынула кровь. Бьет как из крана, шипит, заливает всё: рану, инструменты. В человеке от пяти до семи литров крови,

и при таком темпе кровопотери вся она может вытечь из больного за десять—пятнадцать минут. Она и вытекла. Кровь больного и кровь чужая, которую лили в три вены анестезиологи. Давление у больного не определяется, сердце — еле-еле. А раз давления нет, то перестало кровить. Сразу увидели разрыв венозного коллектора. Быстро залатали мы эту дырку. Переливаем, что в этих случаях нужно. Давление появилось, но низкое и нестабильное. Нужна кровь, а ее на станции переливания уже нет: вся на этого больного и ушла.

Оперировал Иван — общеизвестный хам и крикун. Больные его боятся и не любят. Иван орет анестезиологу: «Кровь возьмете у меня!» А это против всех правил и приказов. Против не против, а только уложили хирурга на каталку рядом с операционным столом и шприцами, перелили его кровь больному. Группа и резус совпадали, да и пробы на совместимость, конечно, провели.

Давление у больного стабилизировалось. Иван снова помыл руки, переоделся в стерильный халат и закончил операцию. Завершилось все благополучно: больной поправился — опухоль оказалась доброкачественной. Хирургу объявили выговор и на очередной квалификационной комиссии высшую категорию не подтвердили — опустили на первую. По больнице пошла ходить шутка, что несовпадение группы и Rh-фактора крови больного с показателями крови Ивана — абсолютное противопоказание к операции.

Я согласен с тем, что хороших врачей мало. Их не больше, чем хороших специалистов в любой другой профессии. Только не все профессии требуют

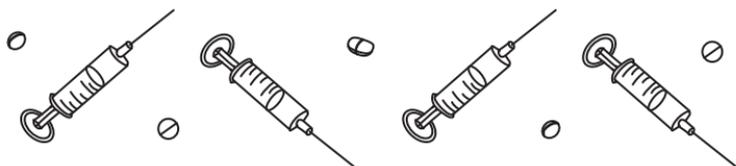
такой большой крови. Попробуйте предъявить к своим близким те требования, которые предъявляются обычно к медикам. Вас постигнет глубокое разочарование — мало кто из них терпелив, добр и честен в той степени, в какой бы нам хотелось.

Anamnesis vitae

Солнечным днем вдруг высоко в листве деревьев — треск и шелест листьев, и на тротуар шлепнулся белый кулек. Прохожие глянули — завернутый в пеленки мертвый младенец. Пока «ох!» и «ах!» — снова треск и второй кулек. Подбежали — другой ребенок. Синий, из носа и рта кровь, не дышит. Скорая и милиция прилетели, высчитали, из каких окон выпали младенцы, нашли квартиру на восьмом этаже. На звонок двери открыла спокойная женщина. Спросили, есть ли у нее дети. Женщина ответила, что детей у нее трое: мальчик четырех лет и двойняшки — девочки: родились десять дней назад, три дня как выписались из роддома, сейчас спят. Бросились в спальню — кровать пустая.

Четырехлетний мальчишка выбросил сестренку в открытое окно: кто-то из родственников в шутку сказал счастливой маме: «Ну зачем они тебе, сразу двое?! Нищету разводишь». В ответ женщина рассмеялась: «Конечно, не нужны! Мне и Леньки хватает» — и прижала к себе сына. Ленька понял всё по своему.

ИПОТЕКА И СМЕРТЬ

I

Умер хороший мой знакомый — врач-реаниматолог Виктор. И умер, казалось бы, очень удачно: прямо на рабочем месте, в реанимации. Выслушивал сердце больного, потом, не вынимая из ушей фонендоскоп, повернулся к сестре, как будто что-то хотел сказать, но не сказал, а захрипел и рухнул на пол.

Тут же заинтубировали его, подключили к ИВЛ. Сразу — закрытый массаж сердца, лекарства в вену, в сердце, дефибрилляция. И все это по кругу, еще и еще раз, и многое другое многократно в течение двух с лишним часов: никто не мог сказать: «Умер». Периодически на экране монитора регистрировались сердечные сокращения, но тут же — исчезали.

Пришел главный врач, помялся, походил и сказал тихо:

— Что поделаешь... Не до трупных же пятен реанимировать. Отметьте время смерти.

Потом начались всяческие бюрократические непонятки. Кем считать умершего? Пациентом? Но он не проведен через приемный покой, и нет истории болезни. Есть ли такое понятие, как «смерть на рабочем месте по ненасильственным причинам»? Надо ли кого-то наказывать? Как же без этого, без «наказать»? Всегда легче на душе, если можно показать на кого-то пальцем и сказать: «Ату его! Это он во всем виноват!»

А если историю болезни не заводить, то на кого списать все использованные при реанимации сильнодействующие препараты? Как и в качестве кого направить тело в морг? Понятно, что в качестве трупа, но как объяснить, откуда он у нас взялся? Да и не станет его Рувимыч вскрывать! Хорошими друзьями были наш патологоанатом и покойный.

Стали думать и рядить, шелестя бумагами, а главный мне и говорит:

— Сейчас Альберт (завреанимацией) поедет к нему домой, жене сообщить. Ты езжай с ним. Все-таки он у вас в операционной и с вашими больными в реанимации больше других работал.

II

Приезжаем. Две комнаты в общежитии. Не смежные, а через коридор. Трое детей. Жена сидит в послеродовом отпуске с младенцем. В комнатах — беспорядок, ящики какие-то, узлы.

— Козлы вы с главным! — говорю я Альберту тихо.— Столько лет человек горбатился на больницу, а жил в общежитии! И жена его тоже ведь у тебя работает анестезисткой!

— Тут дело еще хуже,— отвечает Альберт.— Они квартиру по ипотеке купили. Видишь, к переезду готовились... Кто теперь эту ипотеку выплачивать будет?

Вошли, присели. Так и так, говорим мы его испуганной жене, стало Виктору плохо прямо в реанимации. Возможно, инфаркт. Сейчас он тяжелый. На ИВЛ. Если хотите, говорим, можем вас отвезти к нему. Всякое может быть, даже самое плохое — очень уж инфаркт обширный. Тут запищал младенец на руках у вдовы. Она стала энергично, как градусник, трясти его у груди, одновременно говоря нам:

— Куда же я с ним поеду! А этих,— кивнула на притихших отпрысков трех и пяти лет,— куда дену? Какой инфаркт? Никогда не жаловался! Током его, наверное, ударило! Да, Альберт Михайлович? Я-то знаю, как там у нас с предохранителями и задними панелями у ИВЛ!

Альберт говорит:

— Саша, ты бы дала адреса родных. Может быть, надо заверенные телеграммы дать, чтобы кто-то приехал. Так мы дадим!

Тут Саша стала рыдать. Заревели и юные отпрыски в своем углу, и только младенец на Сашиних руках сохранял спокойствие сытого Будды. Хорошо, что Альберт догадался взять с собой старшую сестру

реанимации. Та что-то зашептала, заходила вокруг Саши. Стали собираться, одевать детей...

Мы вышли на улицу. Альберт закурил и стал материться через сигарету, зло щурясь и сплевывая:

— Сюда бы этих писак! «Врачи взяточники!», «Медицинская коррупция!», «Халатность в белых халатах!». Много Витька взяток набрал!? Жил как бомж! Куда теперь Сашка с тремя детишками?

А министр наш, счетовод х@ев, всё пугает и пугает!

Уйду и детям накажу: «В медицину — ни ногой!»

Вышла вдова Саша, ведя за руки «взрослых» детей. Старшая сестра реанимации несла на руках младенца.

* * *

Потом были похороны. Грязь, дождь. Из родственников была только старенькая мать Саши. У Виктора живых родных уже не осталось. На поминках мы с Альбертом напились. Совершенно неясно, как выплатить ипотеку. И кто будет давать наркоз нейрохирургическим больным?